

Birutė Jasiūnaitė. *Lietuvių velniavardžiai*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018. 312 p. ISBN 978-609-07-0090-7.

Елена Коницкая

Вильнюсский университет, Литва
E-mail: Jelena.konickaja@ff.vu.lt
ORCID: 0000-0003-2402-7278

Броне Стунджене

Институт литовской литературы и фольклора, Вильнюс, Литва
E-mail: brone@liti.lt
ORCID: 0000-0003-3155-2097

Summary. The monograph under review is dedicated to the study of devil names used in various Lithuanian dialects, fixed expressions (phraseological units), and small genres of folklore. The devil names are analyzed from a word-formation perspective, taking into account the motivating characteristics: the habitat of the mythological character, features of appearance, its actions and functions, character traits, behavior and psychological characteristics. The lexical group, which consists of 482 names of the devil, is thoroughly studied from an ethnolinguistic perspective, including a wide context of ethnic culture, i.e., mythological and folklore contexts. It is significant that the author supports their research not only based on the Lithuanian tradition, but also on the basis of the cultural traditions of other peoples, especially the Slavs (Russians, Belarusians, and Poles), including different folklore and mythological materials of a number of peoples of Eastern and Western Europe including in their research. The reviewed book may be useful to Lithuanian researchers, such as linguists, ethnolinguists, ethnographers, mythologists, folklorists, etc., as well as to researchers from other countries interested in the same issue.

Keywords: devil, mythonym, Lithuanian ethnolinguistics, dialect lexis, folklore, mythology.

Santrauka. Birutės Jasiūnaitės monografijoje nagrinėjami velnio pavadinimai, vartojami įvairiose lietuvių tarmėse, stabiliose žodžių konstrukcijose, tautosakos tekstuose. Velniavardžiai analizuojami pagal motyvuojamuosius požymius: mitinės būtybės gyvenamąją vietą, išvaizdos ypatybes, veiksmus ar funkcijas, būdo ar psichikos savybes ir kt. Leksikos grupė, kurią sudaro 482 velnio pavadinimai, kruopščiai iširta etnolingvistiniu aspektu, įtraukiant platų etninės kultūros (mitologinį, folklorinį) kontekstą. Svarbu, kad autorė remiasi ne vien lietuvių tradicija, bet ir kitų tautų, visų pirma slavų – lenkų, rusų, baltarusių kultūros tradicijomis, įtraukia į savo akiratį skirtingų Rytų ir Vakarų Europos tautų mitologinę ir folklorinę medžiagą ir jos nagrinėjimo rezultatus. Recenzuojama knyga gali būti naudinga tiek Lietuvos mokslininkams — kalbininkams, etnolingvistams, folkloristams, etnologams, mitologams ir kt., tiek kitų šalių mokslininkams, kurie domisi panašia tematika.

Reikšminiai žodžiai: velnias, mitonimas, lietuvių etnolingvistika, tarminė leksika, folkloras, mitologija.

Книга известного литовского этнолингвиста, профессора Вильнюсского университета Бируте Ясюнайте посвящена литовским наименованиям черта (лит. *velnias*). Цель работы — исследовать названия одного из основных фольклорно-мифологических персонажей в функциональном, словообразовательном, этимологическом и мотивационном аспектах на основе данных словаря литовского языка (LKŽ, I–XX тт.), диалектных словарей и фольклорных сборников. Языковой материал исследуется с опорой на широкий фольклорный или этнологический контекст, что помогает установить мотивацию конкретного наименования черта; используются также традиционная диалектная фразеология, литовские личные имена (прозви-

ща) со сходной мотивацией, диалектная лексика, в частности, мифонимы и названия мифологизируемых животных, растений, предметов. Среди проанализированных 482 названий черта, как собственно литовских, так и заимствованных, выделяется две группы эвфемизмов: энigmatические (85%) и комплиментарные. Со словообразовательной точки зрения большинство названий представляют собой т. наз. семантические дериваты, когда значение ‘черт’ приобретает уже существующая лексема. Данное значение со временем появилось у 234 производных слов (139 из них — суффиксального образования, 52 — флективного, 43 являются сложными словами). Разные названия черта по возможности рассматриваются в их территориальном распространении.

Монография состоит из вступления (с. 11–42), девяти глав, выводов (с. 247–252), обширных резюме на русском и английском языках (с. 253–268). За списком использованной литературы и источников (с. 269–284) следует указатель мифонимов на литовском, английском, белорусском, болгарском, испанском, латышском, немецком, польском, русском, манси, нганасанском, португальском, французском, прусском, сербском, словенском, татарском, украинском, эстонском языках (с. 285–311). Исследование может заинтересовать как этнолингвистов, так и языковедов-диалектологов (в первую очередь — изучающим диалектную лексику), а также лексикологов, лексикографов, исследователей языка фольклора. Оно может быть полезно также историкам языка (в особенности занимающимся проблемами заимствования слов), фольклористам — исследователям прозаических жанров фольклора (сказок, быличек), паремиологам, этнологам, мифологам, религиоведам и др.

Можно без преувеличения утверждать, что в литовских мифологических рассказах, как в рукописных фольклорных архивах, так и в опубликованных источниках, чаще всего упоминается именно это таинственное существо, именуемое по-литовски *nelabasis* ‘нехороший’, — живущее в болоте, под землей или в других глухих местах, способное менять свой внешний вид, приобретать антропоморфные черты. О его популярности в Литве говорит то, что даже в начале третьего тысячелетия фольклористам (по крайней мере, в Жемайтии) все еще удавалось записывать мифологические нарративы о хитром и ловком черте, часто проигрывающем человеческой находчивости. О тесной и вместе с тем неоднозначной связи, еще недавно объединявшей черта и человека в мифологическом пространстве, свидетельствует сохранившееся до настоящего времени поразительное разнообразие названий черта в литовском языке, особенно ярко представленное в говорах.

Новая монография Бируте Ясюнайте о названиях черта является закономерным продолжением научных исследований автора, еще в 2010 г. опубликовавшей книгу “Šventieji ir nelabieji frazeologijoje ir liaudies kultūroje” (“Святые и нечистые во фразеологии и народной культуре”), где с этнолингвистической точки зрения анализируется около 900 литовских фразеологизмов — устойчивых словосочетаний, включая благопожелания, эвфемизмы, традиционные проклятия, выражения, содержащие названия мифических персонажей, и др. Вторая книга Б. Ясюнайте об именах черта выросла на хорошо подготовленной почве после проведенного автором серьезного этнолингвистического исследования с учетом не только языковых данных, но и широкого культурного и научного (фольклорного, мифологического, этнологического и др.) контекстов, что позволило обнаружить далеко не всегда очевидные межкультурные связи. Автору понадобилось почти двадцать лет всестороннего и глубокого изучения мифологической лексики, к которой относятся и образующие поистине внушительную и весьма пеструю галерею названия черта, чтобы представить ее читателю.

До появления данной монографии многие из фольклористов и мифологов считали, что знают почти все об образе этого мифологического персонажа — основные его особенности, способы действия, силу, даже историю этого “образа”. Эти знания основывались прежде всего на известном труде исследователя литовской мифологии Норберта Велюса “Chthoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis: Folklorinė velnio analizė” (“Хтонический мир литовской мифологии: Фольклорный анализ черта”), изданном в Вильнюсе в 1987 г. Собрав и описав разнообразные аспекты этого персонажа и проанализировав 2000 легенд и преданий, Велюс обнаружил в них 1230 упоминаний о черте, среди которых, по его мнению, доминирует обычное название черта — *velnias* (*velniukas*) ‘черт (чертенок)’, тогда как другие обозначения встречаются гораздо реже. Замысел Велюса систематизировать названия черта (с упоминанием этимологии некоторых из них) был реализован лишь в той мере, в какой это позволяли существовавшие в то время методологические подходы. Тем не менее, монография Велюса долгие годы была

единственным серьезным научным источником, содержащим анализ фольклорного *вяльняса* (черта). И, пожалуй, только появление книги Бируте Ясюнайте о названиях черта сделало очевидным, что профессиональное этнолингвистическое исследование выявляет систематизированную и многоаспектную картину не только наименований, но и разных сторон образа этого мифологического персонажа. Более того — выводы, сделанные на основе этнолингвистического анализа эвфемистических субститутов, могут открыть новую страницу в истории изучения литовского (балтийского) черта или, по крайней мере, стать началом интересных дискуссий участников современного мифологического дискурса.

Во вступительной главе, посвященной общим вопросам, решается проблема статуса рассматриваемого мифического существа в системе древней литовской религии, подробно анализируются возможные точки зрения (в том числе исследования Буги, Велюса, Гимбутене, Иванова и Топорова и др.). Автор приходит к заключению о том, что “языковые данные никак не подтверждают предположений о высоком статусе [Вяльняса — Е.К.] в древней религии литовцев” (с. 28). В завершающем абзаце книги сформулирован тот же вывод: “Обобщая, можно сказать, что обоснованный данными современного языка анализ мифонимов ни в коей мере не подтверждает распространенного во многих трудах фольклористов и религиоведов мнения о высоком положении или статусе [черта] в древней системе религии литовцев. Скорее всего, это мифологическое существо никогда не было литовским языческим богом. Черт (Вяльняс) по происхождению считается принадлежащим к миру мертвых. Можно предполагать, что после утверждения новой религии — христианства его название с течением времени было отождествлено с наименованием христианского злого духа. Никаких древних сакральных текстов, на основе которых можно было бы обоснованно доказать божественный статус *вяльняса*, *вялиноса* (*черта*), не сохранилось” (стр. 252). К этому заключению автор приходит на основе методологически и методически выверенного этнолингвистического анализа, позволяющего связывать исследование словообразования, установление происхождения лексем-названий литовского черта со сложным неединовременным широким культурно-фольклорным контекстом, в том числе и диалектным.

Как любой научный труд, монография Б. Ясюнайте требует подготовленного читателя, обладающего не только лингвистической компетенцией: в исследовании названий черта имеется множество интересных фактов, связанных с миром “нечистых”, предполагающее хотя бы минимальное знакомство с этим необычным во многих отношениях существом. Следует знать о роли черта в литовской традиционной культуре и его народной трактовке, представленной, в частности, в малых фольклорных формах, на которые опирается исследование. Многие литовцы старшего поколения хорошо помнят литературный образ “нечистого” Пинчукаса (кстати, это имя черта Ясюнайте возводит к названию города Пинска), созданного по мотивам фольклорного черта и широко известного по книге Казиса Боруты „Мельница Балтагаргиса“ — не раз инсценированного произведе-

дения, на основе которого был создан фильм „Чертова невеста“ (1974 г.). Это свидетельствуют о том, что во второй половине XX в. мир чертей все еще был не только живым в культурной памяти литовцев, но и проник в художественное творчество в новых, современных формах.

Бируте Ясюнайте, будучи мастером по созданию хорошо организованного текста, при написании книги четко структурировала содержание исследования, разбив его для удобства читателя на десять небольших разделов, в которых она последовательно переходит от одной характеристики к другой, комментируя все новые названия черта — эвфемизмы, порой напоминающие своеобразные языковые загадки с глубоким мифологическим смыслом. Рассматривая образование слов-наименований черта, она устанавливает их значения, обстоятельства появления и степень распространения. Сетую на ограниченность или фрагментарность информации из источников, Б. Ясюнайте, тем не менее, идентифицирует так или иначе рефлектируемую в именах черта его дохристианскую семантическую трактовку, выделяя варианты, испытавшие на себе влияние христианства. Во всех случаях проблематичности и недостаточной прозрачности мифологической семантики названий привлекается диалектный материал, часто собранный самим автором во время экспедиций.

В конкретный анализ мотивирующих признаков названий черта читатель включается как в некую интересную игру, которую невозможно оставить, не завершив. Первая глава (с. 43–66) посвящена названиям черта, связанным с местом его обитания или основными признаками места (особенности рельефа, стихий, растений): *šilinis* ‘борово́й’, *raistinis* ‘болотный’, *pelkės ponaitis* ‘болотный господин’, *pirtinis* ‘банный’, *lobinis* ‘связанный с ямой’, *Kalnis* ‘Горный’, *žeminis* ‘земляной’, *ropinis* ‘репный’ и др. В завершающей главу таблице (с. 65) обобщенно представлены: 1) реалии, связанные с миром человека (хозяйственные постройки, орудия, культурные растения, домашние животные) и 2) не связанные с человеком (лес, водоемы, земля, рельеф, мифологическое пространство типа *пекла*, дикорастущие растения, животные). Анализируя названия, автор предлагает пояснения разного характера (фольклорные, мифологические и др.), давая их на широком типологическом фоне.

В следующей главе (с. 67–87) рассматриваются имена черта, мотивированные названиями цветов. Из обобщающей таблицы (с. 87) очевидно, что основной цвет, включенный в название черта — черный (напр., *juodasis* ‘черный’, *girinis juodis* ‘черный из пуши’, *ponas su juodu kepliušu* ‘господин в черной шляпе’, *vokietis juoda sermėga* ‘немец в черной сермяге’), зеленый (напр.: *žalasis* ‘зеленый’, *balos žaliaragis* ‘болотный зеленорогий’), красный (напр., *raudonkepuris* ‘красношапочник’, *vyrukas su raudona kepuraitė* ‘мужичок в красной шапке’). Отдельную группу составляют наименования, связанные с окрасом животных (*rainasys* ‘пестрый’, *žebriukas* ‘пестренький’ и др.); эти имена обычно имеют негативные коннотации.

Заинтригованный читатель, ведомый автором по запутанному лабиринту названий, отмеченному все новыми мотивировками, листает книгу далее. Следующая глава (с. 89–108) рассказывает о названиях черта, связанных с частями тела — рогами, хвостом, ногой или ее частями, волосным покровом, когтями, головой и др. Здесь большая часть названий связана с наличием рогов (*raguotas, ragius, ragutis* ‘рогатый’), особенностями строения ноги (*ožkakojis* ‘козлоногий’, *trumpakojis* ‘коротконогий’, *karviakojis* ‘с ногами, как у коровы’ и др.), особенностями головы (*žaltagalvis* ‘зеленоголовый’, *raudondantis* ‘краснозубый’) и др. В следующей главе (с. 109–127) говорится о дефектности как мотивирующем признаке: малом росте (*striukis* ‘кургузый, куций’, *striukas vokietukas* ‘кургузый немец’); дефектах речи (*mikna* ‘заика’), уродстве — горбатости (*kuprasis* ‘горбатый’), хромоте (*šlubis* ‘хромой’), кривизне (*kreivalūpis* ‘кривогубый’), отсутствии части тела (*vienašnirpšlis* ‘с одной ноздрей’, *bekulnis* без пятки’). Важным мотивирующим признаком названия черта (шестая глава, с. 131–151) может быть также функция или способность к определенным действиям: звуковые манифестации черта, способность пугать, приставать, заманивать, обманывать, носить на себе и др.

Не менее интересными выглядят лежащие в основе наименований психологические качества черта (с. 153–174), среди которых самое распространенное — злость (*piktasis, piktas* ‘злой’; *pikta dvasia, piktadvasiukas* ‘злая душа’), а также характеристики, связанные с моральными качествами (*negerasis, negeroji, negeras; nelabasis* ‘нехороший’; *blogybė* ‘худо, зло’, *prakeikta dvasia* ‘проклятая душа’, *tamsioji dvasia* ‘темная душа’, *nešvari dvasia* ‘нечистая душа’, *nelaimė* ‘несчастье’). Особый тип наименований черта связан с мотивацией “по национальному признаку”, социальному статусу, а также с гаданием, переносом наименований с других мифологических персонажей на черта (с. 177–199). Как убедительно показано в исследовании, чаще всего используются такие этнонимы, как *vokietis* ‘немец’ (и его производные, часто с уменьшительными суффиксами: *vokietukas, vokietelis, vokietaitis* и др.), *prūsiukas* ‘прусачок’, *totorius* ‘татарин’; среди наименований социальных статусов первенствует *ponaitis, ponas* ‘господин’ (часто с определениями: *juodasis* ‘черный’, *žaliasis* ‘зеленый’); дважды отмечен полонизм *šlektas* ‘шляхта’, а также славизм *ubagas* ‘убогий, несчастный’. С практикой черной магии (порчи) связаны названия типа *užmačius* (и его варианты), которые, по мнению исследовательницы восходят к глаголу *užmesti* ‘вызвать страх; болезнь’ (с. 187). Последняя группа антропоморфных наименований черта представляет перенос на черта имен древних низших мифологических персонажей, напр., *kaukas, nelaiikas, deivutė* и др. (с. 188), причем Б. Ясюнайте выдвигает ряд предположений, связывая, например, *laikas* с известным славянским (русским) мифологическим персонажем *lixo* (с. 189). Заключает обзор собственно литовских наименований черта группа имен черта, возникших фонетическим путем либо путем эвфемистических субститутов (с. 192–199).

Много внимания автор уделяет анализу наименований черта — прямых заимствований или калек (*biesas, šėtonas, ledokas*), посвящая этому целую главу

(с. 203–221). Приведенная в конце ее таблица (с. 221) показывает превалирование славизмов (*biesas, nečyščiukas, čortas; šetonas, djėblas* и др.), хотя среди заимствований есть и германизмы (*brantas, rakalis, špieras*). Имена собственные названия черта, как связанные с христианской традицией, с „общей для всей Европы христианской культурной средой“ (с. 234), так и не связанные с нею, рассматриваются в заключительной, десятой главе (с. 223–246).

Едва ли не самый важный аспект рецензируемого этнолингвистического исследования — это проведение исследования в широком контексте народной культуры, прежде всего восточноевропейского ареала, в особенности славянской его составляющей. В монографии использованы исследования по демонологии многих народов, прежде всего славянских — поляков, русских, белорусов, украинцев, а также латышей, эстонцев. Литовские названия черта характеризуются не только с точки зрения собственно литовских словообразовательных, семантических, фонетических закономерностей, но и с точки зрения соответствий на этих уровнях, отмечаемых в других языках.

Такой межкультурный подход неслучаен. Он вызван глубоким пониманием тенденций исторической миграции культурных моделей, а также закономерностей траекторий „странствий“ слов. И не только слов; сама литовская фольклорная традиция, представляющая собой один из фундаментальных источников исследования, не является и не может быть продуктом закрытого типа, хотя сегодня довольно часто фольклор рассматривается как отличающееся особой локальностью явление. Известно, что фольклору свойственны различные межкультурные связи, что вовсе не исключает национального своеобразия, как это демонстрирует и рецензируемая монография.

Литовская исследовательница во многом опирается на работы одного из зачинателей этнолингвистики как науки — Никиты Ильича Толстого, а также на работы других этнолингвистов его школы, при этом не просто следуя им, но творчески применяя их научный опыт при успешном распутывании узлов сложных и зачастую противоречивых данных, нередко тесно переплетенных между собой образов литовской демонологии, и делает это весьма убедительно — с опорой на язык, вскрывая с помощью этнолингвистического инструментария скрытые смыслы фразеологизмов, выражений, слов, наименований.

В заключение, возвращаясь к двум книгам Б. Ясюнайте (упомянутой выше книге 2010 г. и рецензируемой), следует отметить, что они дополняют друг друга, рассказывая лингвистические истории о нечистых и святых, связанных между собой внутренними — тематическими и методологическими — нитями. Книги объединяет и неслучайное совпадение художественного оформления: их украшают прекрасные силуэты, вырезанные автором. Едва читатель открывает книгу о наименованиях черта с черным, как ночь или деготь, форзацем, его встречает примостившийся в уголке каждой страницы господинчик с трубкой, в шляпе, словно готовый вступить в разговор. Нет сомнений, что разговор о мифологических персонажах, ведущийся с этнолингвистических позиций, будет продолжен и в дальнейшем.